

«Выпуск папирос с портретами наших вождей является вульгаризацией их совершенно не нужной»: руководство ГПУ о портретах руководителей партии и государства на табачной продукции (июль 1923 г.)

Публикация М. Ю. Крапивина

В первые послеоктябрьские десятилетия воинствующее безбожие в советской стране постепенно становится неотъемлемым элементом официальной идеологической доктрины, навязывается в качестве обязательной установки во всех областях духовной жизни. Отношение к религии как к явлению, чуждому социализму, его идеологии, политике, образу жизни и нравственности, естественным порядком вело к перерастанию мировоззренческого противостояния в русло политической конфронтации, порождая желание решать идеологические проблемы репрессивными методами, волевыми усилиями помогая быстрейшему исчезновению «остатков религиозности».

Однако, осуществляя избиение официальной Церкви под флагом секуляризации, большевики одновременно использовали исторически сложившиеся структуры общественного сознания, традиции религиозного мышления, внешние формы религиозного культа в своих политических интересах для достижения нерелигиозных целей.

Идеологическая доктрина советского строя (ядром которой являлся трансформированный марксизм) несла в своем практическом воплощении комплекс черт, разительно схожих с религиозными. Количество совпадений и параллелей столь велико, что можно говорить о создании идеологическими средствами поистине религиозного культа с политическим антирелигиозным наполнением, т. е. светской разновидности религии, воинствующе настроенной и монологично ориентированной. Наличествовали все обязательные религиозные атрибуты: символы, образы, структуры. Институты веры

Крапивин
Михаил Юрьевич,
доктор
исторических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

и иерархия ценностей, связанные воедино, поддерживались разветвленной системой агитации и мощным карательно-репрессивным аппаратом.

Это лишний раз доказывало, что значение религии для светской культуры и мировоззрения не исчезает полностью даже там и тогда, где и когда внешние проявления традиционной и организованной религиозности становятся малозаметными или искусственным путем сводятся на нет. И в последнем случае, в условиях официального отрицания роли религии в жизни общества и, более того, враждебного к ней отношения, связь светской и духовной культур сохраняется, пусть в опосредованной форме, иногда приобретая превращенные, квазирелигиозные формы.

Большевики нуждались в новых мифологемах, способных удовлетворить потребности масс в высших идеалах и ценностях, нравственных ориентирах, ибо именно через общность фундаментальных ценностей предполагалось обеспечить единство и взаимосвязь людей, преодолеть социально-классовую, национально-вероисповедную, цивилизационную неоднородность российского/советского общества. Атеизм, нося негативный характер (в советском варианте), обретал, тем не менее, позитивное предназначение в качестве компонента единой социалистической идеологии, единого духовно-ценностного монолита, выполняя консолидирующие и мобилизующие функции.

Процесс становления новой, советской сакральности начался сразу после Октября 1917 г. и первоначально носил спонтанный (во многом) характер. Новые культурные формы создавали живые люди, воспитанные в рамках определенных культурных традиций. Вольно или невольно, сознательно или бессознательно они воспроизводили в новых «конструкциях» старый опыт (мировоззренческие ценности, стереотипы поведения, бытовые привычки)¹.

Однако в 1920-х г. процесс сакрализации коммунистической идеологии, а также ее непосредственных носителей (лидеров партии и государства) резко ускорился, подстегиваемый уже целенаправленными усилиями целой армии большевистских теоретиков и практиков.

Документы, периодическая печать 1920-х годов дают многочисленные примеры сакральных реалий, связанных с именем В. И. Ленина (число которых многократно возросло после его кончины).

Визуальные изображения вождя не только в виде скульптурных композиций, живописных полотен или плакатов, но и выполненные на чашках, платках, игрушках вызывали неприятие определенного числа людей, подчеркивавших, среди прочего, что в центре нового культа оказывается образ последовательного материалиста, классического прагматика в жизни и политике. «Не штампуйте Ленина <...>, — писал, к примеру, в 1924 г. в своей редакционной статье журнал «ЛЕФ», категорически протестуя против магазинной распродажи бюстов В. И. Ленина, — не создавайте культа имени человека, всю жизнь боровшегося против культов <...>»².

Впрочем, очень скоро публичная критика подобных форм увековечивания памяти и образа Ильича будет считаться недопустимой.

Публикуемые ниже материалы относятся к тому этапу новейшей истории России, когда в советской стране одновременно существовало несколько «вождей», а советские органы государственной безопасности полагали возможным высказываться против фетишизации советских лидеров, правда, исключительно по мотивам политической целесообразности.

Текст документов передан в соответствии с современными нормами и правилами орфографии, однако с сохранением стилистики и языковых особенностей первоисточника. Явные орфографические и пунктуационные ошибки, описки, опечатки исправляются без дополнительных оговорок. В квадратных скобках приводится текст, дописанный публикатором: отсутствующие в документах и восстановленные по смыслу слова и буквы.

№ 1

**Отношение Псковского губотдела ГПУ в Секретный отдел ГПУ
9 июля 1923 г.**

Р.С.Ф.С.Р.

Н.К.В.Д.

Государственное Политическое Управление

Псковский Губернский Отдел

Часть *общ.*

«9» VII 1923 г.

№ 6590 с

Секретно

Москва СОГПУ

Папиросы «Коминтерн» возбудили много толков, говорят, например: «хорошего качества папиросы выпущены с портретом коммуниста, курят только коммунисты, а не догадаться им было поставить на коробке худшего качества папирос, которые доступны пролетариату».

Коробки могут служить агитационным средством для недоброжелателей Соввласти, из наблюдения сообщаем, что были случаи, когда личность, выкурив папиросы, коробку демонстративно бросает и наступает на нее ногой, как бы говоря, «вот, мол, как ваших вождей».

Некоторые партийные товарищи высказывают мысль о недопустимости того, чтобы портреты вождей истаптывались.

Псковский Губотдел ГПУ, препровождая при сем крышку такой коробки, просит принять соответствующие меры.

Приложение: Упомянутое³.

НАЧПСКОВГУБОТДЕЛА ГПУ: [подпись] (Невернов⁴)

НАЧСО: [подпись] (Пуполь⁵)

Центральный архив (ЦА) ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 44.

Машинописный подлинник. Подписи — автографы. На бланке. Название подразделения Псковского губотдела ГПУ, день, месяц, последняя цифра года, а также делопроизводственный номер вписаны от руки. Штамп Стола приема почты ГПУ, заполненный вручную: вход. № 94318 от 11. VII. 1923 г. Штамп входящей корреспонденции Секретариата Коллегии ГПУ, заполненный от руки: № 10062 14/7 1923 г. Штамп входящей корреспонденции Секретного Отдела ГПУ, заполненный вручную: 14.VII. 1923 г. № 20176. В верхнем правом углу рукою Т. Дерибаса⁶ написано: «т. Уншлихту⁷. На распоряжение. Вопрос щекотливый и я по нем[у] мнения своего не имею, тем более, что я большой противник фетишизма. Дерибас. 13⁸/VII». На левом чистом поле вверху листа рукописная резолюция Уншлихта: «т. Езерской⁹. Составьте отношение в ЦК с указанием на вульгаризацию наших вождей. Уншлихт. 14/7 23».

№ 2.

Письмо заместителя Председателя ГПУ И. С. Уншлихта в ЦК РКП(б)

16 июля 1923 г.

16 июля 1923 г.

5781/с

Секретариат Коллегии ГПУ.

ЦК РКП тов. МОЛОТОВУ.

В последнее время выпускаются разными фабриками коробки папирос с портретами наших вождей. Эти папиросы служат агитационным средством для антисоветских элементов, так как все они лучшего качества и недоступны пролетариату.

Псковский Губотдел ГПУ, присла[в] крышку коробки «КОМИНТЕРН», сообщает, что были случаи, когда выкурив папиросы, демонстративно бросают коробки и наступают на [них] ногой.

Считаю, что действительно выпуск папирос с портретами наших вождей является вульгаризацией их совершенно не нужной.

ЗАМ ПРЕД ГПУ

(Уншлихт)

*ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 43–43 об. Машинопись. Незаверенная копия (отпуск).
Дата и делопроизводственный номер вписаны от руки.*

¹ Газета «Правда» писала на этот счет, что ряд антирелигиозников — руководителей из среды бывших священнослужителей или из числа тех, кто ранее интересовался идеалистическими концепциями вроде толстовства и богостроительства, под флагом атеистической работы в своей деятельности осуществляют элементарную, грубую подмену одной религии, православной, другой религией — коммунистической (Правда. 1925. 25 янв.).

² ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 4.

³ Крышка от коробки папирос «Коминтерн» с портретом члена Политбюро ЦК РКП(б), председателя Исполкома Коммунистического Интернационала Г. Е. Зиновьева (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 45).

⁴ Невернов Адам Сергеевич (1895–1954). На момент описываемых событий — начальник Псковского губотдела ГПУ (24.10.1922–15.04.1927 гг.).

⁵ Пуполь [Николай Петрович (1898–1938)?]. На момент описываемых событий — начальник Секретного отдела Псковского губотдела ГПУ.

⁶ Дерибас Терентий Дмитриевич (1883–1948). На момент описываемых событий — начальник Секретного отдела Секретно-оперативного управления ГПУ-ОГПУ (25.05.1923–26.10.1929 гг.).

⁷ Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938). На момент описываемых событий — заместитель председателя ВЧК-ГПУ (12/13.04.1921–22.09.1923 гг.).

⁸ Вторая цифра читается неуверенно, возможно, следует: «12».

⁹ Езерская-Вольф Романа Давыдовна (Давыдовна) (1899–1937). На момент описываемых событий: секретарь Коллегии ГПУ (1.12.1922–1.10.1923 гг.).

Крапивин М. Ю. «Выпуск папирос с портретами наших вождей является вульгаризацией их совершенно не нужной»: руководство ГПУ о портретах руководителей партии и государства на табачной продукции (июль 1923 г.) // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 247–252.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); m.krapivin@spbu.ru

'GPU Direction About Party and State Leaders Portraits on Tobacco Production (July 1923)'

A publication by M. Yu. Krapivin

AUTHOR: Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); m.krapivin@spbu.ru